

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ БОРИСОВ
(1866—1934)

А. А. БОРИСОВ

У САМОЕДОВ

ОТ ПИНЕГИ ДО КАРСКОГО МОРЯ

Путевые очерки художника со снимками его картин

————— стр. 6 —————

А. А. БОРИСОВ

В СТРАНЕ ХОЛОДА и СМЕРТИ

Экспедиция художника А. А. Борисова

————— стр. 124 —————

Ю. К. БУРЛАКОВ

ПЕРВЫЙ ЖИВОПИСЕЦ АРКТИКИ

————— стр. 153 —————

П. В. БОЯРСКИЙ

ПО СЛЕДАМ ХУДОЖНИКА БОРИСОВА

————— стр. 163 —————

Paulsen

2020

УДК 910.4
ББК 26.89
Б82

Благодарим
директора Государственного музейного объединения
«Художественная культура Русского Севера» —
МИТКЕВИЧ Майю Владимировну
и заведующую отделом
Музея художественного освоения Арктики им. А. А. Борисова —
МАЦЕГОРУ Ксению Вениаминовну
за помощь в работе над книгой.

Борисов А. А.

Б82 У самоедов. В стране холода и смерти. М.: Паулсен, 2020. —
208 с., илл. — 86.

Иллюстрации предоставлены: Музеем художественного освоения Арктики им. А. А. Борисова,
ГБУК АО «Музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»

На обложке: карикатура, представляющая художника Борисова во время работ
на Новой Земле.

ISBN 978-5-98797-255-7

© Паулсен, 2020

Данное издание охраняется в соответствии
с законодательством РФ об авторских и смежных правах.
Любое использование материалов данного издания без письменного
разрешения издательства запрещается.

От издателя

Александра Алексеевича Борисова называют первым арктическим художником. Этот неординарный человек сочетал в себе талант живописца, любознательность настоящего исследователя, целеустремленность полярного путешественника и внимательный взгляд писателя.

По итогам своих экспедиций в Арктику Александр Борисов выпустил две книги: «У самоедов» (1907) и «В стране холода и смерти» (1909). Обе книги никогда ранее не издавались в современной орфографии, впрочем и оригинальные публикации уже давно стали библиографической редкостью.

Представленная вниманию читателей работа включает кроме этих увлекательных текстов цветные репродукции картин художника, а также дополнена очерком о его жизни (Ю. К. Бурлаков) и некоторыми материалами, связанными с изучением его пребывания на Новой Земле и Вайгаче (П. В. Боярский).

Большую помощь в работе оказали Музей художественного освоения Арктики им. А. А. Борисова (Архангельск) и Музейно-культурный центр «Дом-усадьба северного художника А. А. Борисова» (Красноборск, Архангельская область).

У САМОѢДОВЪ.

ОТЪ ПИНЕГИ ДО КАРСКАГО МОРЯ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

ХУДОЖНИКА

Александра Алексѣевича Борисова.

Съ автобіографической замѣткой

и съ 36 снимками

съ картинъ автора, изъ коихъ 15 въ краскахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. ДЕВРІЕНА.

А. А. БОРИСОВ

У САМОЕДОВ

ОТ ПИНЕГИ ДО КАРСКОГО МОРЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ. <i>Мое детство. — Поездка в Соловки. — Юношеские годы. — Бегство из дому. — В Петербурге. — Академия художеств. — Полярные путешествия. — Мечты о полярной художественной экспедиции.</i>	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ. <i>Начало путешествия. — Санний путь тайболой. — Жители рек Пинеги, Мезени, Печоры и их промыслы. — Охота на оленей. — Ловля белых куропаток. — Селение Усть-Цильма. — Пустозёрск. — Встреча с самоедами и дальнейший путь на оленях. — Самоедка Ирина. — В спальном мешке.</i>	15
ГЛАВА ВТОРАЯ. <i>Большеземельская тундра. — Оленеводство самоедов. — Частые падежи на оленей. — Меновая торговля с зырянами. — Будущее оленеводства.</i>	29
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. <i>Пастыба оленей. — Их дрессировка. — Жизнь в тундре. — Метель. — Угощение сырыми оленьими почками. — Кровь. — Бегство Ирины и поиски ее.</i>	36
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. <i>Ирина в роли хирурга. — Поездка к самоеду Маере. — Вьюга среди тундры. — В поисках за оленями. — Важенки. — У самоеда Сяско. — В чуме у Хааптиса.</i>	46
ГЛАВА ПЯТАЯ. <i>1 Мая. — На лыжах. — Дальнейшее путешествие близ моря. — Лакомство из молодых рогов оленя. — Бельков нос. — Гнезда сарыча и полярной совы. — Рассказ самоеда. — Холодная ванна. — Кладовые сани. — Пеструшки.</i>	55
ГЛАВА ШЕСТАЯ. <i>Югорский шар. — Селение Никольское. — Женитьба у самоедов. — Их поэзия. — Промыслы. — Торговцы и эксплуатация самоедов. — Роль водки при меновой торговле с ними.</i>	63
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. <i>Суеверия самоедов. — Человеческие жертвы богам. — Рассказ Терентьева. — Мой разговор с самоедами по поводу их человеческих жертв. — Торговля водкой. — Рациональная организация ее.</i>	75
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. <i>Остров Вайгач. — Путь на север. — Переправа через реку Талату. — Туманы. — По припяам. — Воронов нос. — Кресты.</i>	81
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. <i>Болванский нос. — Священное место самоедов. — Кладбище. — Поездка в самоедскую Мекку. — Их боги. — Главная обитель бога. — Обратный путь к Югорскому Шару. — Лямчин нос. — Моржовые кости. — Гнездо сокола. — У самоеда Холи. — Поездка на сторожевой остров. — Итоги.</i>	92

Вступление

*Мое детство. — Поездка в Соловки. —
Юношеские годы. — Бегство из дому. — В Петербурге. —
Академия художеств. — Полярные путешествия. —
Мечты о полярной художественной экспедиции.*

Крайний Север с его мрачной, но мощной и таинственной природой, с его вечными льдами и долгой полярной ночью всегда привлекал меня к себе.

Северянин по душе и по рождению, я всю жизнь с ранней юности только и мечтал о том, чтобы отправиться туда, вверх, за пределы Архангельской губернии.

Родился я в 1866 году в деревне Глубокий Ручей Вологодской губернии Сольвычегодского уезда, на берегу Северной Двины. Детство провел среди крестьянской обстановки, но душа моя была далеко не покойна. Мысли мои неслись куда-то далеко, в неведомые страны на север; я думал: «Вот где простор и раздолье, вот где можно пожить!». Грамоте начал я учиться по псалтири у крестьянина-соседа, так как школ в то время у нас не было, да и грамотных людей вообще было очень мало.

Лет десяти я был страшно болен, на выздоровление не было никакой надежды, и мои родители дали обещание, если я поправлюсь, послать меня в Соловецкий монастырь работать бесплатно на целый год. Я выздоровел и 15-ти лет был отправлен в Соловки. Там меня определили на рыболовную тону. Это занятие мне было как нельзя более

по душе, и я с величайшим удовольствием, не замечая, как быстро летели дни, скитался по неизведанным лесным озерам, ставил сети и ловил рыбу или еще с большим рвением пускался в море, в лабиринт сосновских островов, и подолгу разъезжал там, слушая пение летних пернатых гостей. В юной моей голове роились тысячи прекрасных картин, дивных мечтаний.

Через год я вернулся домой, но душа моя еще больше куда-то неудержимо рвалась. Не интересовали меня игры и развлечения моих юных сверстников. Они, бывало, идут по праздникам в свободное время на гулянья, в хороводы, а я запираю ручей, устраиваю пруд, ставлю туда только что сделанную модель лесопильного завода, виденного мною в Соловках, и пускаю воду. Вода вертит водяные колеса, и весь завод приходит в движение. От восторга прыгаю по зеленой траве — вот мое развлечение! Я и раньше очень любил машины (мельницы, пароходы), а теперь, после Соловков, полюбил еще больше. Сижу, бывало, стругаю что-нибудь, задумаюсь и забуду свои крестьянские работы. Придет отец, все переломает, чтобы положить этому конец. Я долго-долго плачу, собираю остатки своих построек и снова, тайком от отца, где-нибудь в пустой избе начинаю мастерить свою затею. Картин и рисунков я не видал никаких, кроме икон. Случилось, приехали живописцы расписывать красноборскую церковь. Я пошел к обедне и впервые увидел изображение масляными красками на стене. Это меня страшно поразило; в особенности меня удивило то, что на плоскости можно добиться такого рельефа. Достал я себе книжку «Родное слово» и со всей страстью юного сердца стал рисовать. Рисовал по ночам при дымной лампе, так как днем надо было работать, помогать отцу. Да и ночью рисовать редко позволяли: попусту, мол, жгу керосин, да и спать не даю.

Долго боролся я с неотступной мыслью оставить родительский дом. Наконец, 18-ти лет снова решил попасть в Соловки, чтобы там поступить в иконописную или механическую мастерскую. Иного выхода не было, так как для всякого другого учения нужны были деньги. С этой целью я достал себе тихонько от отца годовой паспорт, благодаря тому, что старшиной в волостном правлении служил мой дядя, и уговорил мать весной пойти в Соловки на недельку — поклониться святыне. Мать, не подозревая того, что у меня есть годовой паспорт, согласилась на мои просьбы. Когда же мы попали в Соловки, я сказал ей, что назад я с ней не пойду, что у меня есть уже и паспорт.

Она сначала этому сопротивлялась, но за меня вступился строитель Савватиевского скита о. Ионафан (ныне архимандрит Ионафан, настоятель Печенгского монастыря) и убедил мать не противиться моему сильному стремлению. Стал я опять рыбаком в Савватиевской пустыне, а потом был взят в иконописную мастерскую, где и работал дни и ночи.

В 1885 году Соловецкий монастырь посетил Е. И. В. Великий князь Владимир Александрович и обратил внимание на мои шестимесячные успехи. Это дало мне сильный толчок и сыграло в жизни моей огромное значение. В 1886 году приезжал в Соловки добрейший А. А. Боголюбов, который и вывез меня впоследствии в Петербург. В Петербурге я сначала поступил в рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств, а затем вольно слушающим в Академию художеств. В 1895 году я сдал экзамен по научным предметам и поступил в число действительных учеников Академии художеств. В 1897 году я окончил академию и предпринял целый ряд полярных путешествий с художественными целями.

После природы родных лесов Вологодской губернии наибольшее впечатление произвели на меня льды и белые ночи Соловецкие, и может быть по этой причине меня всегда тянуло на Север, хотя и до того рассказы и описания полярных путешествий не давали душе моей покоя.

Прошли годы ученья, в течение которых мне удавалось урывками побывать и на родном Соловецком, и в Печенъге, у высокочтимого игумена Ионафана, и во многих других местностях Мурманского побережья. Всюду со мною были краски и палитра, но этого оружия оказывалось недостаточно, чтобы даже приблизительно передать окружавшие меня картины полярной природы. Много меня ободрил дорогой Илья Ефимович Репин, который написал восторженные статьи в печати о моих картинах, и мой незабвенный учитель И. И. Шишкин, который и поставил меня на твердую дорогу, заставив изучать рисунок с тою настойчивостью и вниманием, какие характеризуют этого великого мастера. Советы второго моего учителя, дорогого А. И. Куинджи, раскрыли предо мной новые горизонты в смысле колорита, и я еще больше потянулся к тем необычайным красотам, которые только и могут дать летние северные ночи: то грозное, то ласкающее небо и вечные странники Ледовитого океана — могучие полярные льды.

Благодаря стечению обстоятельств и поддержке вечно мною оплакиваемого М. И. Кази летом 1896 года я попал на Новую Землю.

Те впечатления, которые я переживал наедине с несколькими самоедами, и в смысле художественном, и в смысле скитальца по неизведанным странам, глубоко запали мне в душу, и в моей голове созрела мысль снова посетить далекий Север, но уже при таких условиях, которые дали бы мне не только материал для этюдов, но и позволили произвести некоторое географическое исследование восточного побережья Новой Земли и обогнуть, если представится возможность, самую северную оконечность острова — мыс Желания. В голове роились мысли о местах, где когда-то бывали малоизвестные подвижники русского дела: Савва Ложкин, штурман Розмыслов, Чиракин, Пахтусов, Циволька и проч., и проч., и брала досада, что рядом с этими священными для всякого русского именами приходится встречаться на исконно русском побережье с именами разных иноземных путешественников, по большей части лишь одушевленных корыстными чувствами. Хотелось дополнить хотя бы в слабой степени географические сведения о наиболее для нас интересных местах Новой Земли и привлечь к ней внимание общества.

Но главная задача моя была художественная: мне хотелось написать целую серию картин и показать всему свету те необычайные красоты загадочного полярного мира. Мне хотелось похитить его молчаливую тайну и поделиться ею с другими широкими кругами. До сих пор созерцали этот таинственный волшебный мир только одни путешественники, которые нередко платили за это жизнью. Они описывали его восторженными словами иногда красиво, иногда увлекательно!.. Но разве можно передать пером эту дивную сказку зашнувшей или, быть может, навеки умершей природы. Можно плакать, молиться, стоять на коленях перед этим дивным творением Бога, но написать невозможно!..

К счастью, мои начинания встретили могущественную поддержку в лице министра финансов С. Ю. Витте. Этот человек верил мне; он представил меня Императору... И впоследствии все мои силы направлены были к тому, чтобы не было стыдно ему за меня. Это заставляло меня иногда пробиваться с риском для жизни — голодать, мерзнуть во льдах, но я всегда помнил и всегда неуклонно двигался к цели. В то же время на работы мои обратил внимание человек с именем, известным всей художественной России, безвременно скончавшийся

ПРОМЫСЛОВАЯ ЛОДКА «ЁЛА» НА МУРМАНЕ

П. М. Третьяков. Удачная продажа ему для его Московской галереи первой серии моих новоземельских этюдов и большой картины, бывшей на конкурсной выставке в Академии художеств 1897 года, вместе с щедрой субсидией Государя Императора позволили мне приступить к осуществлению давно лелеянного плана, но те же исключительно благоприятные условия возлагали на меня и большую ответственность — хотелось сделать все, что от меня ожидают и что я сам себе предначертал. Пожалуй, это не сбудется, но, по крайней мере, совесть моя будет спокойна, что я сделал все, что было в моих силах и в моем умении.
